

Глава 50. Хого

[Далее следует личное оповещение —]

[В награду за первое место в данном инстансе вы получаете шанс вытянуть одну карту!
Вытягивание карт возможно только в комнате подсчёта очков или в Утопии, внутри инстанса данная функция невозможна.]

[Помимо одного извлечения карты, вы дополнительно получаете [Дар храма]: храм деревни Цзюаньлоу благодарит вас за то, что в определённый момент вы защитили её, и поэтому дарит вам карту навыка.]

Лу Хуэй очнулся, и глаза его заблестели.

Карта навыка!

[Особая карта навыка: Обет Рыцаря]

[Ввиду особенности данной карты навыка даётся особое пояснение: эту карту навыка можно использовать лишь единожды. При использовании можно самостоятельно выбрать — стать Рыцарем цели либо сделать цель своим Рыцарем (последнее требует согласия цели). В течение десяти минут после использования весь получаемый урон будет полностью перенесён на другую сторону.]

Лу Хуэй: «...»

Он-то думал, это карта навыка, которая сможет усилить его Яня.

Но эта карта навыка... в определённых обстоятельствах тоже может быть весьма полезной.

Вот только придётся положиться на удачу в поисках союзников.

[Выше приведены все результаты данного инстанса]

[Примечание: В Игровом зале в настоящее время находятся два игрока]

Лу Хуэй, как и прежде, сказал:

— Сначала возьму карту.

Снова из ниоткуда материализовался альбом с картами, и бесчисленные карты вылетели из него, начав кружиться вокруг Лу Хуэя.

Он уже был хорошо знаком с этой процедурой. Окинув взглядом окружившие его плотными слоями карты, он наконец выбрал одну.

Неизвестно, потому ли, что на сей раз не было лишних выкрутасов, но Лу Хуэй выбрал практически наугад, куда случайнее, чем прежде, и потому вытянул именно то, что больше всего хотел —

[Поздравляем! Вы получаете карту навыка типа «Зарядка»: Карта навыка начального уровня]

[Ввиду особенности данной карты навыка даётся особое пояснение: данную карту навыка можно использовать неограниченное количество раз. Однако за один инстанс её можно применить только к одной карте, а количество использований определяется свойствами этой карты.]

Смысл в том, что эту карту навыка нельзя напрямую «скормить» карте персонажа, её нужно использовать совместно с картой персонажа. И если в будущем Лу Хуэй вытянет вторую карту персонажа, то он сможет в зависимости от инстанса решить, какую карту использовать, и затем применить эту карту навыка.

Таким образом, эта карта навыка оказалась куда лучше, чем он предполагал. Он боялся, что попадётся ловушка капиталистов — вытянешь карту с файрболом, которую можно использовать только на карту огненного персонажа.

... С таким раскладом сколько же инстансов ему пришлось бы пройти, чтобы развить свою способность? Не видать бы ему тогда «божественных инстансов» как своих ушей.

Но теперь эти опасения остались в прошлом.

Довольный Лу Хуэй убрал карту, на лицевой стороне которой были начертаны неведомые заклинательные символы.

Подумав, он всё же сказал:

— Отправиться в игровой зал.

Это был его первый визит в игровой зал. В принципе, он знал, как тот выглядит — ведь сам же его и придумал.

Но сам он там не бывал.

[Перемещаем вас в игровой зал...]

Игровой зал сильно напоминал центр управления космическим кораблём из фильмов о роботах, вот только никаких кнопок не было — просто квадратный зал в стиле хай-тек. Если смотреть на него в целом, могло показаться, что ты внутри кубика Рубика, потому что щели на полу и стенах образовывали решётку, как и на потолке.

Без неожиданностей: игроками в зале оказались Яо Хаохао и Ци Бай.

Ведь Лу Хуэй сам говорил им: «Увидимся в игровом зале».

Лу Хуэй огляделся, и Яо Хаохао спросила его о дальнейшем развитии событий в инстансе.

Лу Хуэй перевёл взгляд и вкратце объяснил:

— ... Вот так вот.

— Брат, а тот крутой парень, как он догадался притвориться мёртвым?

Выслушав, Ци Бай задал самый волнующий его вопрос.

Лу Хуэй приподнял бровь, слегка тронул уголки губ и небрежно ответил:

— Наверное, сработала интуиция.

На самом деле, всё было иначе. Когда Мин Чжаолинь схватил его за запястье, Лу Хуэй воспользовался лёгкими колебаниями руки, чтобы посредством азбуки Морзе* передать ему сообщение. Со стороны казалось, будто они замерли в молчаливом противостоянии, — но на самом деле успели обменяться несколькими скрытыми посланиями.

Но...

Всё равно было опасно.

* Азбука Морзе или Код Морзе — это способ кодирования текстовой информации с помощью

точек и тире, представляющих кратковременные и длительные сигналы. Изначально она была разработана для передачи сообщений по телеграфу, но позже широко использовалась в радиосвязи, морской навигации, авиации и даже в военных/разведывательных целях.

Он не рассчитал, что, убив А-Юна, они повлияют на него самого. Шаманка связала их именно для того, чтобы убить А-Пина, поэтому Мин Чжаолинь оказался в таком плачевном состоянии.

Но... Лу Хуэй считал, что теперь они квиты.

Ведь в начале Мин Чжаолинь чуть не прикончил его.

Лу Хуэй потрогал свою шею, а Яо Хаохао спросила его:

— После выхода, сразу пойдём в инстанс?

Она знала, что Лу Хуэй скрывается от Мин Чжаолиня, и слышала от Ци Бая, что они отправились в инстанс, даже не отдохнув.

Для неё это было не так уж важно, она готова к любому варианту, да и деньги сэкономит.

— Нет. — ответил Лу Хуэй. — Давайте как следует отдохнём.

Яо Хаохао:

— Мне-то всё равно, но ты разве не боишься Мин Чжаолиня?

Лу Хуэй задумался:

— Ладно, пусть будет как будет.

И добавил:

— В любом случае, у меня есть способ заставить его перехотеть меня убивать... Ну, а если начистоту, я не хочу проходить инстансы с ним, потому что у нас у обоих слишком высокий рейтинг, из-за чего инстансы станут запредельно сложными.

Яо Хаохао вспомнила тот инстанс, что чуть не угробил их, и мысленно согласилась.

Лу Хуэй сказал:

— Выходим. Я умираю с голоду, хочу поесть чего-нибудь вкусненького.

— ... Погоди. — Яо Хаохао посмотрела на него. — Ты разве не слышал оповещение?

Лу Хуэй наклонил голову: «?»

Яо Хаохао нахмурилась:

— Числа не сходятся. На нашей стороне восемь, на стороне Вэнь Юаньшуя — шесть, вместе получается четырнадцать. Откуда же взялся пятнадцатый игрок?

Лу Хуэй усмехнулся:

— Кто знает.

Он вспомнил о Цзян Ципэне, и его взгляд стал пустым:

— Может, когда-нибудь узнаем.

Яо Хаохао опешила:

— ... Ты знаешь, в чём дело?

Они были новичками из одной партии, но Цзюнь Чаомань знал разительно больше!

Она спрашивала Ци Бая, и тот сказал, что Цзюнь Чаомань утверждал, будто это его третий инстанс, но он и впрямь признавал, что очень хорошо знаком с этим игровым миром.

Кто же он такой?

.

Зал подсчёта результатов.

Юноша, выслушав награды от Системы, вздохнул:

— Умоляю тебя, раз уж дал мне этот шанс, нельзя больше не ставить меня с Ним в одну группу? Как я могу выиграть у Него? Дай мне дорогу к выживанию, ладно?

Ответа не последовало.

Юноша потёр затылок и пробормотал:

— Глупая Система, как же Он создал такого дебила.

Дебил, конечно, не мог ему ответить. Юноша цыкнул и задал вопрос, на который у него были права и который избавлял его от разговоров с самим собой:

— Когда начнутся состязания за повышение?

[Через три ночи в Утопии с данного момента]

Такой способ отсчёта времени был потому, что в Утопии и в зале подсчёта времени не существовало. Но в Утопии были более точные методы симуляции времени и смены дня и ночи.

— Три дня...

Юноша пробормотал:

— Времени не так уж много.

Он размял шею:

— Отправляй меня в инстанс. Надеюсь, до начала состязаний за повышение я смогу обрести физическое тело и попасть в Утопию.

— И ещё, будь повосприимчивее, ладно? Мы все рождены ради Него, все Им созданы! Не могла бы ты ко мне получше относиться?!

Система не ответила.

.

Выйдя, Лу Хуэй и остальные первым делом отправились перекусить.

Поскольку их было трое, Лу Хуэй предложил поесть хого*.

* 火锅 (huǒguō) — китайское блюдо в формате «горячего котла», при котором гости

самостоятельно готовят мясо, овощи и другие ингредиенты в кипящем бульоне прямо за столом.

Яо Хаохао: «...»

— А поэкономить никак?

Лу Хуэй рассмеялся:

— Не беспокойся, ешь спокойно, за нас заплатят.

Яо Хаохао не поняла, но поскольку Ци Бай был тем, кто никогда не ставил под сомнение слова Лу Хуэя, меньшинство подчинилось большинству, и они пошли есть хого.

Местные заведения хого не слишком отличались от ресторанов реального мира, оформление было высококлассным и роскошным — в основном потому, что тот, который выбрал Лу Хуэй, сам по себе был дорогим.

Яо Хаохао не могла понять:

— В точках отдыха игрового мира разные рестораны хого ещё и различаются?

— В дешёвых не так вкусно, ингредиенты, возможно, похуже, да и выбор небогатый. — объяснил Лу Хуэй. — В этом они один в один копируют реальный мир.

Яо Хаохао: «...»

Она окончательно запуталась:

— И в чём же смысл?

Лу Хуэй, как человек, который всё это прописал, сейчас, из-за своего тощего кошелька, чувствовал лёгкую неловкость:

— М-м... Может, чтобы вы почувствовали себя как дома?

Яо Хаохао: «?»

Кому это нужно.

И ещё...

Она взглянула на Лу Хуэя.

Цзюнь Чаомань сказал «вы», а не «мы».

Яо Хаохао опустила глаза и больше ничего не сказала. Когда они уселись в заведении, из-за того, что Лу Хуэй не скрывал свои две маленькие вертикальные родинки под правым глазом, немногочисленные посетители невольно обратили на него внимание.

Одного этого взгляда было достаточно, чтобы Лу Хуэй сделал вывод, что все работники здесь были не NPC, а игроками, подрабатывающими за игровые монеты.

Этот игровой мир предоставлял такие возможности заработка.

Вероятно, потому что он был тем, на кого охотился Мин Чжаолин, официант нервно спросил:

— Здравствуйте, вас трое?

— Четверо. — Лу Хуэй дал знак. — Два котелка, пожалуйста.

Яо Хаохао и Ци Бай: «?»

Ци Бай обвёл взглядом ихнюю троицу, но так и не решился спросить, откуда взялся четвёртый.

Зато Яо Хаохао, взглянув на Лу Хуэя, не скрывавшего свои родинки, примерно догадалась, кого он имел в виду под тем, кто заплатит.

Яо Хаохао: «...»

Верно, в этом мире, наверное, лишь один Цзюнь Чаомань осмелился бы вести себя так, как он.

Не зря на него объявили охоту.

Лу Хуэй заказал неострый суп с грибами и курицей. Когда Яо Хаохао заказывала острый бульон, она спросила:

— Ты не ешь острое?

— Я вырос на юге.

И добавил:

— На самом юге, там не привыкли к острому.

Яо Хаохао между делом заметила:

— Вообще-то, я тоже там росла, но, когда я училась в началке, мы переехали.

Выражение её лица стало отстранённым, и Лу Хуэй понял, что история не из приятных. Но Ци Бай этого не заметил, и оторвавшись от меню, спросил:

— А почему?

Яо Хаохао могла бы и не отвечать, но всё же сказала:

— Родители развелись.

Ци Бай, застыв, взглянул на Яо Хаохао, и наконец уловив настроение, виновато вжал голову в плечи:

— Прости.

— Ничего. — спокойно ответила Яо Хаохао. — Не из-за тебя же они развелись.

Ци Бай: «...»

Лу Хуэй:

— Пф.

Ци Бай молча уткнулся ещё глубже в меню.

Едва меню перешло к Лу Хуэю, появился хозяин четвёртого, нераспечатанного набора приборов.

Когда Мин Чжаолинь вошёл в ресторан хого, в зале, где ещё мгновение назад был слышен слабый гул голосов, мгновенно воцарилась гробовая тишина.

Мин Чжаолинь даже не окинул взглядом зал, а сразу определил, где сидел Лу Хуэй.

Он направился к нему и сел рядом.

Сидящие напротив Яо Хаохао с Ци Баем непроизвольно напряглись, всё-таки выражение лица Мин Чжаолиня было спокойным и холодным, словно он пришёл сводить счёты.

— Чего вы боитесь?

Лу Хуэй протянул меню Мин Чжаолиню, предлагая ему сделать заказ:

— Здесь Утопия, в Утопии драки запрещены.

Мин Чжаолинь взял электронное меню. На его губах появилась лёгкая усмешка, но глаза остались холодны:

— Не убегаешь?

— С чего бы? — Лу Хуэй небрежно откинулся на спинку стула. — Этот инстанс вымотал меня до смерти. Не настолько я хочу скрыться от тебя, чтобы превращаться в спецназовца.

Мин Чжаолинь: «?»

Понимая о чём тот думает, Лу Хуэй лениво пояснил:

— ... Понимай это как «бежать без передышки».

Мин Чжаолинь бросил на него взгляд.

Настала очередь Лу Хуэя вопросительно смотреть: «?»

Мин Чжаолинь усмехнулся:

— Ты вдруг так... странно.

Лу Хуэй: «...»

Он с искренним недоумением спросил:

— Тебе разве не тяжело?

Лу Хуэй сказал:

— В инстансах приходится вести подковёрные игры, в каждом слове по восемьсот скрытых смыслов*. Сейчас мы не в инстансе, а в мирной зоне, и ты всё ещё хочешь состязаться со мной?

* 八面玲珑 (yī jù huà bā bǎi gè xīnyǎn zì) — «В каждом слове - восемьсот хитростей». Это разговорное выражение, описывающее человека, который постоянно строит козни или чрезмерно усложняет общение.

Мин Чжаолинь даже глазом не моргнул:

— Всё-таки это довольно забавно.

Лу Хуэй зажал уши, с безучастным лицом заявив:

— С этого момента и до конца трапезы я тебя не слушаю.

Мин Чжаолинь: «...»

Он усмехнулся:

— Что за детский сад?

Лу Хуэй и впрямь начал делать вид, что не слышит.

Тогда Мин Чжаолинь взял меню, сначала выбрал блюда, а затем спросил Лу Хуэя:

— Рыбное филе будешь?

Лу Хуэй снова «начал слышать»:

— Буду. Мне три порции.

Мин Чжаолинь повернулся и молча уставился на него.

Лу Хуэй даже глазом не моргнул:

— Я только что услышал твои мысли.

Мин Чжаолинь:

— Ха.

Яо Хаохао с Ци Баем напротив: «...»

Честно говоря, им очень хотелось пересесть за другой столик и оставить этих двоих наедине.

Очередной день, когда я не понимаю вас, геев.jpg

* 互联网直男 (Jǐntiān yě bùshì hěn dǒng nǐmen nántóng de yì tiān.) — популярный в китайском интернете мем, используемый для выражения недоумения или иронии по поводу поведения геев или просто близких, но сложных отношений между мужчинами.

Но, хотя они и препирались, явной враждебности между ними не было, и Яо Хаохао с Ци Баем всё же немного расслабились.

И ещё... неизвестно, потому ли, что они вместе пережили смертельную опасность, но чувствовалось, что отношение Мин Чжаолиня несколько изменилось по сравнению с прежним.

Если бы они высказали это вслух, Лу Хуэй наверняка покачал бы головой и сказал бы, что им просто показалось.

Если они встретятся в следующем инстансе, Мин Чжаолинь определённо снова попытается его убить.

Сейчас этот человек ведёт себя сносно лишь потому, что в Утопии невозможно применить силу, поэтому вместо того, чтобы напрягаться, лучше сесть и нормально поесть.

В конце концов, Мин Чжаолинь хоть и способен терпеть, но он не золотой бессмертный* — ему тоже нужно есть и спать.

* 达罗极仙 (dàluó jīxiān) — в даосизме высшее божественное существо, достигшее бессмертия и превосходства.

Изначально Лу Хуэй хотел, чтобы Мин Чжаолинь сделал заказ, а потом передал меню ему, но Мин Чжаолинь спрашивал его о каждом пункте, и Лу Хуэй позволил ему заказывать.

Всё-таки это игровой мир, а не реальный, поэтому после заказа блюда тут же подали, причём

все сразу. Рядом с ними поставили тележку с едой — заказов было слишком много, чтобы уместить всё на одну, но это не имело значения: съеденное автоматически обновлялось.

Уже один этот момент ясно давал понять, что они находятся в игровом мире, а не в реальном. И даже не потребовалось, чтобы Лу Хуэй что-то говорил — Мин Чжаолинь сам оплатил счёт.

Несложно догадаться, что кое-кто выбрал такое дорогое место именно с расчётом на него.

Лу Хуэй ел со спокойной душой, ведь Мин Чжаолинь был главным героем, которого он прописал. Говоря современным языком, Мин Чжаолинь был его «сыночком», так что же плохого в том, что он использует деньги собственного сына?

Только Яо Хаохао всё же на сказала Мин Чжаолиню:

— Спасибо.

Ци Бай тоже набрался смелости и быстро проговорил:

— Спасибо.

Мин Чжаолинь приподнял бровь, скосил на них взгляд.

Если бы спросили Ци Бая, что он почувствовал под этим взглядом Мин Чжаолиня, он бы ответил:

— Я и впрямь подумал, что вижу, как моя давно почившая прабабушка машет мне рукой.

Дело не в том, что он слишком труслив, когда на него смотрел Вэнь Юаньшуй, занимавший второе место в рейтинге, у него не было такого ощущения, что его вот-вот прикончат. Давление Мин Чжаолиня было слишком сильным. Его глаза-персики, которые литераторы так любят описывать как «страстные», «смотрящие с нежностью даже на собаку», излучали лишь опасность и холод.

К счастью, Мин Чжаолинь лишь взглянул на них, но ничего не сказал.

Эта трапеза прошла на удивление гармонично. У Ци Бая даже возникло смутное ощущение, будто заклятые враги в финале фильма садятся за семейным столом лепить пельмени. Особенно когда Лу Хуэй жестом попросил Мин Чжаолиня положить ингредиенты в котёл, ибо тележка стояла прямо под рукой у Мин Чжаолиня.

Ах да, они ещё ели из одного котла. Ци Бай тоже не ожидал, что такой крутой парень, как Мин

Чжаолинь, не ест острого (?)

Но на самом деле Мин Чжаолинь не то чтобы не ел острого, он просто не любил делить котёл с другими. Ну, а что до Лу Хуэя... тот был исключением.

Желание убить — это одно, но почему-то по отношению к Лу Хуэю он не испытывал неприязни.

После еды Лу Хуэй посмотрел на Мин Чжаолиня:

— Благодетель, слышал ли ты выражение: «Сделав доброе дело, доведи его до конца; провожая Будду, проводи до Запада»*?

* 善事做到底 (hǎo rén zuò dào dǐ, sòng fó sòng dào xī) — китайская поговорка, означающая, что если уж взялся помогать, то помогай до конца.

Мин Чжаолинь безучастно вытирал руки влажным полотенцем, так тщательно, что невольно возникало подозрение, нет ли у него обсессивно-компульсивного расстройства:

— Что ты хочешь? Говори прямо.

Лу Хуэй без колебаний сказал:

— И жильё тоже предоставь, ладно?

Мин Чжаолинь: «?»

Он усмехнулся:

— Есть дешёвые отели — всего за одну игровую монету за ночь. Хоть ты и хочешь сэкономить, но не до такой же степени?

Судя по всему, Лу Хуэй был не из тех, кто боится трудностей.

Лу Хуэй ответил:

— Просто я чутко сплю, а на хорошие условия денег нет.

И добавил:

— К тому же, для меня даже одна игровая монета — целое состояние.

И впрямь состояние. Ведь в отличие от остальных, для которых игровые монеты были просто валютой этого мира для покупки припасов, для него девяносто девять монет означали один розыгрыш карты. Его способность тоже можно было улучшать за игровые монеты, так что для него они были крайне важны.

А вдруг ему всё же придётся штурмовать божественные инстансы?

Ему нужно копить на них и готовиться.

Если бы не было так неловко, Лу Хуэй попросил бы Мин Чжаолиня одолжить ему половину монет. Он предполагал, что, судя по его же сеттингу, Мин Чжаолинь, убив столько игроков, наверняка скопил достаточно монет на тысячи розыгрышей — возможно, даже хватило бы, чтобы прокачать способность до максимума.

И дело было не в стыде. Просто Лу Хуэй не мог допустить, чтобы Мин Чжаолинь узнал, что ему нужны монеты именно для прокачки способности.

Они могли спокойно сидеть за одним столом, но это ещё не значило, что они заключили перемирие. Враждебность никуда не исчезла. Просить у Мин Чжаолиня деньги на возвращение врага... Уж кто-то один из них точно должен был сойти с ума, заболеть раком и умереть завтра, чтобы один осмелился попросить, а второй — согласиться.

Не успел Мин Чжаолинь ответить, согласен он или нет, как Лу Хуэй добавил:

— К тому же, я из-за тебя и так потратился.

Он указал на родинку у внешнего уголка правого глаза:

— Из-за того, что ты разболтал эту примету, мне пришлось купить консилер.

Мин Чжаолинь усмехнулся:

— А-Мань, не притворяйся, будто я не знаю цен. Консилер стоит максимум одну игровую монету.

Слишком много, слишком много.

Мысленно Лу Хуэй был согласен, но на лице ни единой морщинки:

— А ты знаешь, что значит одна игровая монета для того, кто прошёл всего три инстанса?

Мин Чжаолинь смерил его взглядом. Поскольку они собирались есть хого, он собрал волосы в хвост. Собранные в «волчий хвост» волосы смотрелись иначе, чем распущенные, придавали ему зрелости и не подчёркивали его сногшибательную опасную красоту.

Именно поэтому взгляд Мин Чжаолиня казался ещё холоднее.

Но Лу Хуэй и впрямь его не боялся. Чего он не ожидал, так это того, что Мин Чжаолинь согласится так быстро:

— Ладно.

Лу Хуэй приподнял бровь, и тут Мин Чжаолинь неспешно добавил:

— Но ты должен ответить на один мой вопрос, и я не собираюсь ещё и их тянуть.

Он кивнул на сидевших напротив Яо Хаохао с Ци Баем, которые не проронили ни звука и старательно делали вид, что их нет.

Яо Хаохао действительно не понимала, почему Лу Хуэю так нравится дразнить Мин Чжаолиня, особенно после того, как Ци Бай рассказал ей, что те в начале второго инстанса ещё и подрались у въезда в деревню.

Ци Бай же про себя только подумал, что Цзюнь Чаомань и правда достоин своего имени — настоящий зверь.

Лу Хуэй насторожился:

— Сначала скажи, что за вопрос.

Если Мин Чжаолинь спросит о его происхождении — пиши пропало. Он и впрямь ещё не придумал ничего. Даже если бы он начал сочинять прямо сейчас, кто знает — а вдруг правила этого мира уже изменились? И если его слова не совпадут с ними, Мин Чжаолинь поймёт, что его обманули... и тогда ему конец.

Он не мог победить Мин Чжаолиня, ничего не поделаешь.

— В прошлом инстансе, как тебе удалось в конце сохранить ясность сознания?

— А, это.

Лу Хуэй вздохнул с облегчением и снова жестом предложил ему встать:

— Пошли, поговорим наедине.

Яо Хаохао с Ци Баем не имели ничего против того, что Лу Хуэй как соратник скрывает от них детали. Яо Хаохао лишь спросила:

— Если ты уйдёшь с ним, то как насчёт следующего инстанса?

— Выйдя отсюда, поверните налево — там есть дешёвая гостиница. Называется «Гостиница №1». — добавил Лу Хуэй. — Остановитесь там. Когда будем заходить в инстанс, я вас найду.

Он достал телефон:

— Яо Хаохао должна знать, что в приложении «Хоррор-игра» есть функция добавления в друзья. Давайте добавимся — если что-то случится, я вам сообщу.

Согласившись, Яо Хаохао с Ци Баем обменялись с ним контактами, после чего Лу Хуэй ушёл вместе с Мин Чжаолинем.

Мин Чжаолинь приехал на мотоцикле. В Утопии не было правил дорожного движения, поэтому он был без шлема — он ему и не требовался.

Даже если упадёшь, всё равно никаких травм не получишь.

Почему так — можно было объяснить разве что особенностями мира высшего измерения. В конце концов, это всего лишь настройки... которые и сам Лу Хуэй толком объяснить не смог бы.

Мин Чжаолинь не стал бросать Лу Хуэю игровые монеты на хороший отель, а привёл его к себе домой.

Такие богатые игроки, как он, предпочитали просто купить или надолго арендовать жильё в Утопии — чтобы там можно было хранить кое-какие вещи. И преимущество наличия жилья было в том, что тебя сложнее было подстеречь — можно было заходить и выходить из инстансов прямо из дома, снижая вероятность встречи с врагами. Игровой мир был устроен так, что при входе в инстанс, если ты находился в физическом контакте с другим игроком, можно было последовать за ним в тот инстанс.

Лу Хуэй оседлал заднее сиденье, неуверенно ухватившись за поручень сзади.

Хоть он и прописал этот транспорт для Мин Чжаолиня, но на заднем сиденье ему ездить не

доводилось — он только водил.

Поэтому, когда Мин Чжаолинь завёл двигатель, его резко дёрнуло вперёд, и в итоге он всё же обхватил Мин Чжаолиня за талию.

Даже сквозь одежду он ощущал мышцы пресса и талии Мин Чжаолиня — крепкие, почти каменные.

На удивление, Мин Чжаолинь ничего не сказал и уж тем более не попытался незаметно заставить его убрать руки.

И?

Честно говоря, Лу Хуэю казалось, что после выхода из инстанса от Мин Чжаолиня исходила какая-то странная аура.

Неужели его подменили?

Пока они ждали лифт на подземной парковке, Лу Хуэй бросил взгляд на Мин Чжаолиня. Тот, как всегда предпочитая стоять только тогда, когда можно прислониться, сейчас скрестил руки и облокотился на стену. В глазах Лу Хуэя читались недоумение и подозрение.

Мин Чжаолинь приподнял бровь: «?»

Лу Хуэй покачал головой, но всё же сказал:

— Мне кажется, что после выхода из инстанса ты как-то странно себя ведёшь.

Мин Чжаолинь привычно усмехнулся. На его лице эта улыбка выглядела и чарующей, и несколько насмешливой одновременно, что убедило Лу Хуэя — подмены не было, всё как прежде.

Как раз в этот момент лифт прибыл на минус первый этаж. Мин Чжаолинь молча зашёл в лифт и нажал кнопку 31 этажа.

В здании было тридцать два этажа. Мин Чжаолинь купил тридцать первый — он слишком хорошо знал себя и понимал: после его покупки никто не посмеет приобрести ни тридцать второй, ни тридцатый, не говоря уже о том, чтобы стать его соседом. Поэтому он выбрал тридцать первый этаж, оставив тридцать второй пустым — для теплоизоляции.

В этом чёртовом месте, согласно сеттингу Лу Хуэя, и впрямь имитировались времена года, и

летом солнце палило нещадно.

Дверь не требовала ни ключа, ни карты — она сама открывалась, едва Мин Чжаолинь оказывался перед ней. Лу Хуэй зашёл следом и снял обувь в прихожей.

Зная, что запасных тапочек у Мин Чжаолиня не было, он просто пошёл босиком.

В конце концов, его ноги не воняли.

У Лу Хуэя была холодная, белая кожа, поэтому его ступни казались особенно бледными: сквозь прозрачную кожу чётко проступали синеватые вены и выступающие косточки, придавая им почти хрупкий, исхудалый вид. Мин Чжаолинь бросил взгляд и заметил на них старые, глубокие шрамы — вероятно, оставшиеся ещё с детства после падений и ссадин. Раны были такими глубокими, что следы сохранились до сих пор.

Он уже собрался заговорить, чтобы потребовать объяснений, как вдруг увидел, что Лу Хуэй поднял руку и дотронулся до безделушки на тумбе в прихожей.

Та выглядела как обычная кукла-неваляшка* — символ удачи. Но стоило её слегка раскачать, как кукла закатывала глаза и начинала мерцать слабым светом.

* 福娃娃 (fú wáwá bùdǎowēng) — популярная китайская игрушка, выполненная в виде упитанного младенца с иероглифом «Фу» (福, «благополучие»). Как и любая неваляшка, она символизирует устойчивость перед жизненными трудностями, а образ ребёнка — процветание, счастье и удачу.

Лу Хуэй не выказал ни капли удивления — только лёгкая усмешка мелькнула на его лице.

Мин Чжаолинь притормозил, распуская волосы, и прищурился:

— ...Так как же тебе удалось сохранить ясность сознания?

Он догадался, что тогда шла ассимиляция инстанса, и если бы Лу Хуэй не выдержал, то превратился бы в NPC. Их положение тогда... не сказать, что полностью безвыходное, но и выбраться было бы точно не так просто.

Лу Хуэй плюхнувшись в кресло и, покачиваясь на нём, как у себя дома, небрежно ответил:

— Подобное промывание мозгов обычно на меня не действует. Я прекрасно осознаю, кто я.

Он усмехнулся:

— И никогда не забываю, кто я.

Как же он смел забыть.

Мин Чжаолинь слегка склонил голову, и его волосы мягко упали вниз:

— У тебя есть навязчивая идея?

Лу Хуэй поднял руку, вытянув указательный и средний пальцы:

— А это уже второй вопрос.

Мин Чжаолинь не стал настаивать.

Сразу было видно, что тот не скажет, а если и скажет, то лишь чуши нагородит.

Поскольку уже наступила ночь, Лу Хуэй немного поиграл с креслом, затем поднялся:

— Пойду помоюсь и спать.

Он сказал:

— Я посплю на диване.

Он знал, что у Мин Чжаолиня только одна спальня, и не собирался заставлять хозяина дома спать на диване.

Однако Мин Чжаолинь лишь приподнял бровь и сказал:

— Спи в спальне.

Лу Хуэй: «?»

— Что с тобой не так? Ты чего такой добрый? Уступаешь мне кровать?

Мин Чжаолинь двусмысленно усмехнулся:

— Я не сказал, что уступаю её тебе.

— ... Можно и на полу в спальне, но, есть ли у тебя пару лишних одеял, чтобы подстелить?

— Спи на кровати. Со мной.

Лу Хуэй: «...»

Лу Хуэй: «...?»

Он с недоверием смотрел на Мин Чжаоиня и пробормотал:

— Всё-таки тебя подменили, да?

Мин Чжаоинь не стал объяснять:

— Выбирай: либо ищешь, где переночевать, либо спишь со мной.

Лу Хуэй: «...»

Серьёзно, почему?

Хоть ему и не было это неприятно, но он же не гей, да и Мин Чжаоиня он не прописывал геям. Мин Чжаоинь, возможно, был даже безопаснее его — он всегда подспудно описывал его как неспособного любить. К тому же, Мин Чжаоинь был главным героем из категории «без романтической линии», так что, конечно, не умел любить.

И тем не менее Мин Чжаоинь не должен был сам предлагать спать вместе!

— ... Как знаешь. — Лу Хуэй был в недоумении. — Если тебе всё равно, будем спать вместе. Дурак тот, кто отказывается от бесплатной кровати.

Самому-то ему было всё равно. В детстве ему часто приходилось спать в тесноте — вместе с несколькими людьми, без разницы какого пола. А зимой, чтобы согреться, все вообще прижимались друг к другу.

Главное, чтобы Мин Чжаоинь мог спать с ним...

Мин Чжаоинь?

Мин Чжаоинь?

Мин Чжаолинь?

Лу Хуэй искренне считал, что страдать придётся одному только Мин Чжаолиню.

— Но у меня нет сменной одежды...

— купишь. Я заплачу.

Лу Хуэй: «?»

Он помолчал несколько секунд, смотря в глаза Мин Чжаолиню, и наконец не выдержал:

— Говори давай, что с тобой случилось?

Мин Чжаолинь повторил:

— Не мели ерунду, берёшь или нет.

Лу Хуэй: «...»

Он сладко улыбнулся:

— Беру.

Ладно.

Не говори «нет», тому кто кормит, не поднимай руку на того, кто даёт!

* 吃人嘴软 (chī rén zuǐ ruǎn, ná rén shǒu duǎn) — букв. «Ешь у кого — рот становится мягким; берёшь у кого — руки становятся короткими» — это китайская поговорка, означающая, что, принимая чью-то помощь или подарки, человек становится обязанным и теряет моральное право критиковать или противостоять дарителю.

Он открыл приложение, зашёл в службу доставки и заказал несколько комплектов сменной одежды и туалетные принадлежности.

Сгенерировав QR-код для оплаты, он протянул его Мин Чжаолиню:

— Спасибо, босс. Да здравствует босс.

— ... Если благодаришь от души — не говори, как робот.

— Вот уж нетушки.

Лу Хуэй, видя, как тот оплачивает, не моргнув глазом, усмехнулся:

— Кто знает, что у тебя на уме.

Мин Чжаолин с привычной усмешкой тронул уголки губ:

— И тем не менее ты не против.

— Да без разницы. — Лу Хуэй махнул рукой. — Всё равно наши отношения такие, какие есть. Как ни крути, твоя главная цель — выведать у меня информацию, а вторая — убить меня, знающего слишком много твоих секретов. Так что перед тем, как однажды пасть от твоей руки, вполне нормально съесть за твой счёт парочку прощальных обедов, так ведь?

Мин Чжаолин промолчал.

Как раз в этот момент вещи доставили — это же не настоящий реальный мир, все эти предметы создавались необъяснимой магической силой, появляясь мгновенно и прямо в доме.

Лу Хуэй поднял пакет, материализовавшийся на журнальном столике:

— Тогда я пошёл.

Мин Чжаолин взмахом руки отпустил его.

Он не стал указывать дорогу, но Лу Хуэй и не искал, а сразу зашёл в ванную и закрыл дверь.

... Не слишком ли он знаком с этим домом?

Естественно Лу Хуэй хорошо знал этот дом.

Ведь он воссоздал его по памяти, до мельчайших деталей.

От куклы-неваляшки на тумбе до общей планировки и отделки.

Он также знал, что лампа у изголовья кровати Мин Чжаолина работала с перебоями — при

включении она мигала, а если нажать выключатель не до конца, можно было устроить себе мини-версию мерцающих звёзд прямо в комнате.

Ещё он знал, что с кроватью Мин Чжаолия тоже были проблемы — она поскрипывала, когда на ней ворочались, потому что одна пружина в матрасе уже износилась, хотя на сон это особо не влияло.

Чтобы сохранить эти детали, он написал, что Мин Чжаолия ленился их чинить и просто забивал на это, ведь большую часть времени он проводил в инстансах, а это место было для него лишь временной стоянкой.

Лу Хуэй открыл горячую воду.

Хоть каждое попадание в инстанс обновляло состояние игрока, и выход тоже, и Лу Хуэй знал, что после этих нескольких инстансов он был чист как после душа, он всё же предпочитал физическое мытьё таинственной силе, подобной заклинанию очищения из романов о культивации.

Он был деревенщиной, не привыкшей к изыскам.

Вдоволь насладившись мытьём с головы до ног, Лу Хуэй вышел, вытирая волосы.

Он переоделся в более домашнюю, повседневную одежду, что заставило взгляд Мин Чжаолия задержаться на нём на несколько мгновений дольше.

Лу Хуэй недоумевая, полез в шкаф за феном.

Мин Чжаолия отвёл взгляд и сам пошёл мыться.

Это была не иллюзия — аура, исходившая от Лу Хуэя, и впрямь заставляла его невольно ослаблять бдительность, вызывая необъяснимую сонливость.

Выйдя после душа и высушив волосы, он увидел, как в спальне что-то мигает.

Мин Чжаолия: «?»

— Хочешь её сломать?

Лу Хуэй рассмеялся:

— Не сломается.

Он смотрел на мерцающий в комнате свет, и в его голосе звучала искренняя радость. Он даже сказал Мин Чжаолиню:

— Смотри, звёздочки*.

* отсылка к детской песенке «Маленькая звёздочка» — китайской версии всемирно известной колыбельной «Twinkle, Twinkle, Little Star» (мелодия французская, текст — английский, XIX век)

Мин Чжаолинь: «...»

Не понимаю, но уважаю*.

* 莫名其妙 (wúfǎ lǐjiě, dàn zūnzhòng) — популярный с 2010 года в Китае интернет-мем, выражающий принятие чужого странного поведения без его понимания.

Лу Хуэй немного поиграл, а Мин Чжаолинь, прислонившись к косяку, смотрел, как тот увлечённо забавляется с лампой — он и сам не понимал, почему так потекает Лу Хуэю.

В конце концов Лу Хуэй сам остановился:

— Всё, спать.

И добавил:

— Я уже валяюсь с ног от усталости.

Мин Чжаолинь, глядя, как тот будто ни в чём не бывало забирается под одеяло, тоже спокойно лёг с другой стороны.

Свет погас.

Кровать была достаточно большой, чтобы вместить двоих взрослых мужчин.

И оставить между ними небольшой зазор — тоже.

Лу Хуэй знал, что Мин Чжаолинь спит очень спокойно — всё-таки он сам это прописал.

Но он написал вот что:

[Мин Чжаолинь никогда не погружался в глубокий сон, так что неизвестно, как он выглядел бы, усни он по-настоящему.]

М-да.

Всё должно быть в порядке.

Мелькнула мысль в голове Лу Хуэя.

Он и впрямь очень устал, поэтому быстро заснул, не зная, что в темноте Мин Чжаолинь повернул голову и смотрел на него целых две секунды.

Он поверил Цзюнь Чаоманю, что тот не хочет его убивать.

Если Цзюнь Чаомань не играл тогда до самого конца, то он и впрямь не хотел его смерти — более того, он очень боялся, что тот умрёт.

Он же, находясь в объятиях Лу Хуэя, конечно, не мог не почувствовать, как Цзюнь Чаомань дрожал.

... С тех пор как у него появились воспоминания, были лишь те, кто хотел его убить или ненавидел его, но никогда не было... того, кто боялся бы его смерти.

И до такой степени.

Если бы он умер, Цзюнь Чаомань заплакал бы?

Вспомнив, как тот краснел и неконтролируемо лил слёзы, когда он его душил, Мин Чжаолинь усмехнулся, кончиком языка облизав свой клык.

Жаль.

Если бы он мог увидеть Цзюнь Чаоманя после своей смерти, он узнал бы, плачет ли тот о нём — и увидел бы эти слёзы собственными глазами.

Плачущий Цзюнь Чаомань ... весьма волнующее зрелище.

<http://bllate.org/book/12898/1323472>